

Отзыв официального оппонента на диссертационную работу

Никольского Бориса Михайловича

СТРУКТУРНЫЙ И КОНТЕКСТНЫЙ АНАЛИЗ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ТРАГЕДИЙ ЕВРИПИДА,

представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.14 –

Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Актуальность темы

В предисловии к работе автор пишет об отсутствии метода, "который позволил бы прийти к целостной интерпретации трагедий Еврипида, реконструируя замысел и предполагаемое единство произведений величайшего трагического поэта античности. Поиски и нахождение такого метода – безусловно чрезвычайно актуальная задача современной классической филологии.

Разработанная и апробированная в ряде крупных и вызвавших большой международный резонанс работах методология отличается безусловной новизной. Ее последовательное применение к трагедиям Еврипида обусловило новизну работы. Эта методология заставит новое поколение исследователей перечитать по-новому не только Еврипида, но и других трагиков, чем определяется и высокое теоретическое значение диссертации.

Выявленная Б.М. Никольским мотивная динамическая структура драм Еврипида позволяет исследователю с высокой степенью достоверности определять место того или иного произведения в современных его автору социально-политическом, правовом и моральном контекстах афинской общества, чем определяется и высокая практическая значимость работы. Апробацией работы следует считать как высокий рейтинг опубликованных по теме диссертации исследований автора, так и использование ее в практике преподавания, при консультировании переводчиков и работников театра, желающих создать новую постановку Еврипида.

Основные положения, выносимые на защиту, сформулированы автором исчерпывающим образом. Автор выявляет, чего до него сделано не было, природу единства трагедий Еврипида как состоящую в сложной, противоречивой, но виртуозно организованной борьбе нескольких перемежающихся мотивных структур. Эти структуры изоморфны как произведениям самого жанра трагедии, так и современной Еврипиду риторике и политической философии.

Нижеследующие размышления ни в коем случае не могут поколебать общей оценки работы и приводятся как раз потому, что оппонент считает самую возможность принять участие в обсуждении работы большой честью и удовольствием.

Принято начинать отзывы на диссертации с крупных похвал и крупных замечаний, а завершать ритуальными мелкими замечаниями и формулой приязни. Наверное, в этом был бы резон в большинстве других случаев, но только не в этом. Потому что мы обсуждаем сегодня диссертацию исключительно высокого качества, оценить которую в ее полноте и глубине охвата я не мог бы, если бы провел еще несколько недель, начитывая литературу и перечитывая Еврипида и относящиеся к теме работы тексты от Аристофана и Аристотеля до Жаклин де Ромийи¹ или Изабеллы Торрэнс².

Прежде чем перейти к разговору об основном содержании работы, хотел бы снова подчеркнуть, что мы присутствуем при чрезвычайно важном событии – появлении на русском языке первого целостного исследования трагического театра Еврипида, – исследования, которое вырывается из привычных стереотипов, заданных еще Аристотелем и Аристофаном. Поэтому и начинать наш подступ к этому произведению следует с определения контекстов, в которых все значение работы Никольского может быть адекватно оценено. Необходимо наметить, по крайней мере, два контекста, в которых труд Никольского будет читаться сегодня. Во-первых, это международная научная литература. Задача Б.М. Никольского в этом контексте – выделить в мировой науке, начиная с Аристотеля, подступы к теме целостного и достоверного понимания авторского замысла Еврипида. Эту задачу – в принципиально другом жанре ставит и пишущий в другом жанре, а именно – переводчик. Но переводчик, на первый взгляд, может себе позволить и интуитивный поиск, результаты которого примут или отвергнут читатели. Впрочем, и эти читатели будут знать только половину ответа и смогут судить о целостности только переведенного текста, по-прежнему гадая или догадываясь о том, что там в оригинале. В этом отношении, или в этом первом контексте, исследовательское погружение в Еврипида, которое осуществил Никольский, -- первостепенное событие в филологии – как, в данном случае, в кормилице поэзии – со времен переводческого подвига Иннокентия Федоровича Анненского. Проблему понимания, или даже теоретической способности понять цельный авторский замысел в его достоверности, соискатель компактно изложил во вступительной части к диссертации, и я его аргументы повторять не буду, разделяя его основные положения. Можно было бы, пожалуй, только добавить, что у самой установки на прискорбное отсутствие единства замысла у Еврипида история, можно сказать, двухтысячелетняя с гаком, что, однако, не означает

¹ de Romilly J. *Tragédie grecque au fil des ans*. Paris: Les Belles Lettres, 1995.

² Torrance, I. *Metapoetry in Euripides*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

отсутствие подступов к такому пониманию, пусть и без той важнейшей исходной констатации, с которой начинает свой труд Никольский.

Второй контекст, в котором следует читать работу Никольского – категориальный. И если в первом контексте символическим пра-противником Никольского выступает Аристотель как автор "Поэтики", а пра-союзником – Аристофан, то в этом втором контексте, наоборот, Никольский опирается как раз на ту форму представления своего исследовательского поля, которую заложил Аристотель – как автор "Категорий" и логико-риторических сочинений. Анализируя мотивное устройство трагедии Еврипида, Никольский до некоторой степени предлагает читателю взгляд на жанр этой трагедии и как на текст определенного типа, имеющий пространственные характеристики, и как на динамическое зрелище, расположенное в определенной временной последовательности. Вот почему центральными эвристическими конструкциями Никольского являются весьма ценные синопсисы развертывания не самого действия, а набора его мотивных переходов, при обычном взгляде ускользающих от внимания. Здесь обретают новую жизнь несколько старых методов исторического и филологического чтения, эффективность которых соискателю особенно хорошо удастся показать соискателю в ходе последовательной реконструкции замысла трагедии "Ипполит".

На с. 26 диссертации автор справедливо утверждает, что "суждениям о поведении героев можно было бы придать больше ясности и убедительности, если соотносить их с принципами моральной оценки, существовавшими в эпоху Еврипида и отраженными в языке и топике современной ему литературы".

С этой целью Никольский прекрасно показывает фон или даже самую ткань аргументации не только у самого Еврипида, но в той аттической политико-правовой повседневности – от Фукидида до Лисия, – которой меньше чем через 50 лет придет конец.

Показывая, как "Еврипид использует в «Ипполите» оправдательный топос «непроизвольных ошибок», применявшийся в судебных речах и дополнительно разрабатывавшийся софистами", Никольский весьма тонко анализирует "семантику и функции, которые получает этот топос в трагедии, продемонстрировав его двойную роль: он служит концептуальным стержнем драмы, вся динамика которой направлена на окончательное оправдание всех ее персонажей-людей, и вместе с тем отдельные элементы этого топоса, потенциально обладающие драматической выразительностью (незнание, эмоции) используются для создания драматических эффектов". В

этой точке повествования соискатель решает не исчерпывать до конца некоторые мотивы Еврипида, которые связывают между собой несколько трагедий, возможно, образуя в сознании зрителя опорные точки как раз для понимания, даже для мгновенного узнавания, обнаруженной Борисом Никольским "мотивной сетки". В качестве примера я бы привел мотив "письма", который в отдельно взятой трагедии воспринимается как предметный символ коварства, технической изощренности, злого изобретения. От Паламеда до Сократа это изобретение только и делало, что пугало людей. Не будь этого ужасного технического приспособления отчуждения речи от конкретного носителя, как бы Федра могла оболгать Ипполита? Беспомощная перед Афродитой, она всемогуща, поскольку технически подкована, и из этого контраста рождается преступление. Интересно, что этот же мотив мы встречаем дважды в "Ифигениях". В "Ифигении в Авлиде" письмо Агамемнона, перехваченное Менелаем, раскрывает тайные помыслы всех присутствующих и разжигает ссору между Агамемноном и Менелаем. А в "Ифигении в Тавриде" симметрично письмо, написанное кем-то из предыдущих пленников Ифигении и данное Пилладу для передачи Оресту, приводит к мгновенному узнаванию всех всеми. Этот технологический прием усиливает концепцию Никольского с риторической стороны. Намерение "доказать, что в центре трагедии находится не столько утверждение моральной вины или невиновности того или иного персонажа, сколько сама проблема вынесения морального суждения и связанная с нею венчающая оправдательный топос тема снисхождения и прощения, причем тема эта сама преподносится автором как тема нравственная" (с.27), здесь не просто вполне осуществляется. Знающий (употребим здесь это слово – "читавший", а не только "смотревший") Еврипида принудительно и не без иронии обнаруживает, что каждая последующая трагедия последовательно возвращается к предыдущим, всякий раз по-новому оттеняя неспособность героя справиться либо с новым техническим приспособлением, либо с не доступным ему самому знанием, которое этим приспособлением транслируется, или в этом письме содержится. Ирония, пронизывающая отношения дяди и отчима, брата-матереубийцы и его сестры, вся включается разом, если читать Еврипида "по Никольскому". А важнейшие для соискателя контрастные категории Еврипида обнаруживают, таким образом несколько уровней целостности. С другой стороны, мотив письма, грамотности Агамемнона и Менелая и неграмотности Ифигении, вводит нас в проблематику интереснейшей темы политических добродетелей, которая разворачивается вокруг категорий $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$, а также $\sigma\omega\phi\rho\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta$ и $\u03b5\u03b2\rho\acute{\iota}\varsigma$. Главы, посвященные категориальному плану трагического текста, мне представляются жемчужинами диссертации (с. 89, 90 и др.).

В этом месте я позволю себе сделать небольшое отступление, которое наверняка представит в несколько худшем свете оппонента, чем тот сам бы этого хотел, но мы, повторю это еще раз, присутствуем при обсуждении

совершенно выдающейся, из ряда вон выходящей работы, а рассказываемый эпизод в любом случае только оттенит достоинства работы соискателя.

Категории ἔβρις в советской исследовательской литературе не повезло. Присланную мне после нашей встречи в Будапеште в 1979 году книгу Кеннета Дувра о любви в античности, которая мне была как воздух нужна для работы над книгой о комедии, изъяли и направили в спецхран Ленинской библиотеки, и доступа к ней я тогда так и не получил. Доклад на научном студенческом обществе, посвященный сексуальным коннотациям понятия ἔβρις, кончился для меня печальными оргвыводами и обидными словами от одного из весьма почитаемых старших преподавателей, которого сегодня уже нет с нами. Так вот, тогда, в 1970-е-1980-е гг. как раз с пониманием целостности произведения античной литературы дела обстояли неважно. Вся телесная, эротическая, да и, прямо скажем, и по тогдашним тамошним, и по более строгим позднейшим тутошним понятиям, вполне непристойная сторона любого драматического, лирического или прозаического текста уходила в глубокую тень моральных и социальных категорий. Только нагота сюжета и бьющая в глаза изобразительно-скульптурная конкретика буквально прочитываемого мифа делала как бы излишним включение этого момента в рассуждения историко-литературного или филологического плана. Но, конечно, этот план оставался в подтексте. Это была, так сказать, только предполагаемая целостность. Чтобы увидеть ее в полноте, нужно было изменить оптику – так же, как в 1870-е годы должны были появиться академические предпосылки для рождения гения Фридриха Ницше. На волне, поднятой Ницше, мог появиться, кстати, и самый выдающийся перевод Еврипида. Когда же мировая наука нашего времени выпустила джинна из бутылки? Думаю, что как раз в середине 1970-х гг., когда книга Дувра "The Greek Popular Morality in the Times of Plato and Thucydides" снова сделала в Европе и в США классическую филологию кормилицей философии культуры и новых направлений в гуманитарных науках, как это было за столетие до того.

К чему я клоню? К тому, что Борис Михайлович Никольский принадлежит к совсем другому, следующему поколению, возможно, уже изрядно утомленному той революцией, которую произвели в классической филологии и вообще в гуманитарных науках такие исследователи 1970-х-1980-х годов, как Кеннет Дувр или Эрик Р. Доддс и многие другие, чей внушительный список произведений диссертант проработал, видимо, и получив, так сказать, некоторую передозировку "телесности", "сексуальности" и того необычайно красочного низа литературно-драматургического мира, который обрушивается, например, на неосторожного читателя Аристофана. Вот почему при логико-семантическом анализе категориального аппарата Еврипида Борис Никольский довольно, я бы сказал, решительно отдаляет от себя все, что так

любят в драме аналитики прямого чувства, страстей, любовных страданий, которые в чисто логическом плане, конечно, можно назвать "претерпеванием". "Некоторые поступки персонажей оказываются противоположны αἰδώς, обладая признаками ὕβρις. Таковы надменность Ипполита по отношению к Афродите и к женщинам, сводничество кормилицы, противоречащее присущей αἰδώς заботе о сексуальной чистоте, клевета Федры на Ипполита и убийство Ипполита Тесеем" – справедливо замечает Никольский (с. 90), но затем предлагает вынести за скобки сексуально-эротический план, чтобы тот не мешал анализу логической и моральной структуры развертывания центральных для понимания целостности трагедии категорий.

Когда в "Вакханках" Тиресий поучает Пенфея, что, мол, Дионис не отвечает за поведение менад, как сказали бы в советское время, "по линии Афродиты", он для Еврипида – лишь один из голосов в драме. Соискатель же представляет его в роли генерального арбитра в споре Пенфея и Диониса. "Αἰδώς и σωφροσύνη, особенно в сексуальном значении, иногда могли расцениваться и как природное качество; более того, именно укорененность целомудрия в природе человека могла представляться гарантией того, что он в любых обстоятельствах будет вести себя добродетельно. Такую мысль мы встречаем, например, в речи прорицателя Тиресия в «Вакханках» Еврипида. В ответ на обвинение Пенфеем Диониса, что тот своими ночными оргиями развращает женщин, Тиресий говорит: «Не Дионис будет заставлять женщин быть добродетельными (σωφροεῖν) в делах Киприды, но это качество должно быть в самой их природе; подлинно целомудренная (σώφρων) женщина не будет развращена даже и в вакхических оргиях» («Вакханки» 314-318). (С. 138)

В дальнейшем соискатель очень тонко и убедительно показывает, как "стыд" и "срам" Ипполита и "похоть" Федры меняются местами после гибели Федры, на конкретных отличных примерах сопоставляя риторику Еврипида с риторикой Антифонта: сначала мы видим природную добродетель Ипполита как реальность, противостоящую мнимости преступной страсти Федры, а потом оказывается, что Федра, в отличие от Ипполита, способна, как теперь бы могли сказать, "создавать факты", ведь нет ничего реальней смерти, а проверить написанное – снова мотив письма, содержащего на сей раз ложное знание, – проверить написанное никто, включая Тесея, не в состоянии. И в колебании маятника реальность-мнимость мы видим очередной удар.

Анализируя всю эту весьма ажурную мотивную структуру в ее динамике, Борис Михайлович, мне кажется, все же не всегда обоснованно пытается представить буквалистски-прямые эротические коннотации как второстепенные по отношению к логико-мотивной конструктивности

трагедии. Схема чередования символических единиц трагического спектакля кажется автору важнее прямой конкретики образов. Мой, пожалуй, единственный вопрос к автору работы я бы сформулировал так: "Правильно ли я прочитал Вашу работу, что целостное понимание трагического спектакля Еврипида требует от аналитика, ради представления мотивно-символического, философски-политического плана, некоторого отрешения от телесно-эротического, экзистенциального плана не только мифа, но и той, например, городской среды, внутри которой бытовали не только трагедия с комедией по большим праздникам, но и бесчисленные адюльтерные дела в суде (о которых мы знаем от Лисия)?"

Разумеется, я ни в коем случае не настаиваю на получении ответа прямо на защите. Это высказывание оппонента – лишь предложение, над которым, может быть, стоит подумать, готовя полный текст работы к публикации в виде книги. Хотя все положения, выводимые на защиту, отражены в чрезвычайно представительном списке публикаций, работ такого уровня о творчестве Еврипида не появлялось много десятилетий, и не только оппонент испытывает потребность в такой книге.

В заключение хочу сказать, что диссертация Б.М. Никольского является не просто законченным, но выдающимся научно-исследовательским трудом. Автор выполнил его самостоятельно и в глубоком диалоге с научным сообществом. Работа вносит огромный вклад в изучение древнегреческой драматургии и риторики. Диссертация соответствует пп. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение. Таким образом, диссертация представляет собой завершённую научно-исследовательскую работу на актуальную тему. Новые научные результаты, полученные диссертантом, имеют существенное значение для науки и практики в области дальнейшего изучения и преподавания курса истории античной литературы. Работа основана на достаточно представительных источниках. Диссертация написана прекрасным языком и в целом аккуратно оформлена. Единственный изъян: на титульном листе имеется опечатка – вместо 2017 указан 2016 год. В конце работы сделаны четкие выводы.

Автореферат полностью соответствует основному содержанию диссертации.

Диссертационная работа отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, Никольский Борис Михайлович, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Ординарный профессор Школы филологии

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

доктор филологических наук

125319 Москва,

ул. Черняховского, д. 8А, кв. 97

Телефон: +7 (926) 9179192

Электронная почта: gusejnov@gmail.com

10.05.2017

Подпись Г.Ч. Гусейнова заверяю

*специалист по
живува ю.с*

Г.Ч. Гусейнов

Сведения об оппоненте

Гусейнов Гасан Гусейнов

доктор филологических наук, специальность 10.02.00 – Языкознание

ученое звание – доцент

Ординарный профессор Школы филологии

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

125319 Москва,

ул. Черняховского, д. 8А, кв. 97

Телефон: +7 (926) 9179192

Электронная почта: gusejnov@gmail.com

Публикации

Книги

Гусейнов Г. Ч. Драматургический метод Платона. Лекции для студентов режиссерских факультетов. М. : Российский университет театрального искусства - ГИТИС, 1981.

Гусейнов Г.Ч. "Орестея" Эсхила: образное моделирование действия. Лекции для студентов режиссерских факультетов. М.: Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 1982.

Гусейнов Г. Ч. Аристофан. М. : Искусство, 1988.

Гусейнов Г.Ч. Мифологемы "судьбы" и "правды" у Эсхила // В кн.: На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 522–548.

Статьи

Гусейнов Г. Ч. Вячеслав Иванов. Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. Т. 64. С. 7-220.

Г.Ч.Гусейнов Некоторые особенности риторической практики М.В.Ломоносова // В кн.: "Знатным украшением Отечеству послуживший..." Творчество М.В. Ломоносова и культура России Нового времени: сборник. М. : Сибирская Благозвонница, 2014. С. 237-264.

Гасан Гусейнов Комментарии к книге Вяч.Иванова "Дионис и прадионисийство" // Символ. Журнал христианской культуры. 2015. Т. 65. С. 396-429.

Г. Гусейнов Проекция "дионисийства" в биографии Вячеслава Иванова // В кн.: Вяч. Иванов: Pro et Contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. Том 2. Под ред. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина. СПб., 2016. Т. 2. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2016. Гл. 8. С. 96-121.